

В обращении к темам героики Отечественной войны и к современной действительности Тимофеев-Терешкин не одинок. К новому направлению творчества якутских певцов олонгхосов принадлежит также небольшое произведение выдающегося якутского ырыхыта (певца) Сергея Афанасьевича Зверева «Сказание о великой Москве». Записанное по-якутски Г. Васильевым, оно переведено на русский А. Лавриком и издано к 800-летию юбилею столицы. Взволнованно и проникновенно описывает поэт в традиционной манере якутских песен свою поездку в Москву. Яркие образы олонгхо в его устах получают новое осмысление. Мифическая птица Есесоку превращается в самолет, беспредельная «восьмигранная страна» символизирует широкие просторы нашей Родины, Москва напоминает певцу «страну Хоро», в олонгхо олицетворяющую юг.

«Северное сияние» Анатолия Ольхона — сборник переводов из якутских поэтов, выпущенный к 25-летию юбилею Якутской АССР, составленный главным образом из произведений лирического жанра, показывает, что темы, связанные с современностью, успешно разрабатываются как молодыми поэтами, так и певцами олонгхосутами<sup>1</sup>. Представленные в сборнике образцы творчества наиболее выдающихся поэтов Якутии: Урастырова, Таллан Бюрэ, Васильева, Амма Аччыгыйина и других — убеждают в том, что ими воспринята традиция близости к народному фольклору, идущая от зачинателей якутской поэзии Сафронова, Кулаковского и Кюндэ. Особый интерес представляет небольшой раздел сборника «Новая фольклорная поэзия». Песни о мироздании, о происхождении земли, неба — один из любопытных видов якутского фольклора. Перевод такой песни, но проникнутой новыми представлениями и идеями атеизма (записи Института языка, литературы и истории ЯАССР), помещен в сборнике. «Проклятие Гитлеру» (1945) — перевод записи заклятья, произведенного бывшим шаманом Аллады, интересен как попытка наполнить обрядовый фольклор новым содержанием. Можно сомневаться, насколько целесообразно использовать эти виды фольклора в современных условиях, но в данной поэме Аллады вполне справился со своей задачей, выразив ненависть к кровавым преступлениям фашизма, воспользовавшись для этого только фольклорной формой проклятья. Как отметила в кратком предисловии редакция, сборник не претендует «на всеобъемлющий показ поэзии советской Якутии», но скорее подытоживает работу русского поэта переводчика Анатолия Ольхона<sup>2</sup>. Его заслуги в популяризации и переводе якутских поэтов на русский язык несомненны. Большинство переводов выполнено им с помощью подстрочника, но значительная часть переводов авторизирована. Переводы А. Ольхона характеризуются стремлением к сохранению стиля, языка и ритмичности оригинала. Ценность сборника «Северное сияние» несколько снижается хаотическим расположением материала. Биографические справки о поэтах даны вне хронологического и алфавитного порядка. Раздел «Зачинатели якутской поэзии» попал в заключение, после переводов из эвенкийских поэтов. Произведения Кюндэ попали и в творчество современных поэтов, и в творчество основателей якутской поэзии.

Новые произведения, созданные за последние годы якутскими олонгхосутами, представляют несомненный интерес для понимания развития современного якутского фольклора.

И. Гурвич

Н. И. Шишкин. *Коми-пермяки* (Этнографический очерк). Под ред. акад. А. А. Григорьева и акад. И. И. Мещанинова, Институт географии АН СССР, 1947, 126.

Основной материал для книги был собран Н. И. Шишкиным во время экспедиции, организованной Институтом географии АН СССР в Коми-Пермяцкий округ в 1944 г. Книга состоит из трех глав: I — К вопросу о происхождении коми-пермяков, II — Истоки культуры коми-пермяков, III — Расселение, быт и культура современных коми-пермяков.

Основной проблемой, которую стремится разрешить автор, является вопрос о происхождении народа коми-пермяков и формировании его культуры. Эта тема объединяет первую и вторую главы. Третья глава является самостоятельной, посвященная современному состоянию коми-пермяков, и в ней, к сожалению, совершенно не затронут основной вопрос об этногенезе. Основным источником для разрешения поставленной проблемы служит языковой материал; географические и этнографические данные разработаны крайне слабо. Заглавие книги «Коми-пермяки» значительно шире ее содержания. Автор касается только основных групп коми-пермяцкого населения, живущих в округе. Такие группы как язывинская и зюэдинская, живущие за пределами округа, в работе не освещены вовсе, в то время как их история и культура крайне любопытны и неразрывно связаны с общим вопросом о происхождении коми-пермяков. Очень

<sup>1</sup> См. сборник «Кырдык Кыайыр» («Правда побеждает»), Народные певцы Якутии о Великой отечественной войне, сост. А. Д. Неустроев, под ред. Г. У. Эргиса, 1945; см. также якутскую газету «Кыым» и журн. «Хотугу Сулус».

<sup>2</sup> См. также Анатолий Ольхон, «Песни дальнего Севера», сборн. переводов, Иркутск, 1946; его же, Падунский порог, Иркутск, 1945.

жаль, что к работе не приложена карта расселения коми-пермяцкого народа и в тексте этот вопрос освещен крайне недостаточно; было бы желательно также, наряду с расселением, дать краткую экономико-географическую характеристику основных районов. Карты диалектов страдают излишней схематичностью и опять-таки не охватывают группы пермяков, живущих за пределами округа.

Центральным вопросом первой главы является проблема происхождения коми-пермяков. Анализируя лингвистические и исторические материалы, автор считает, что «коми-пермяки по своему происхождению являются народом, сложившимся в Верхнем Прикамье из скрещения древних аборигенов страны (в антропологическом типе и культуре которых имеются элементы, просочившиеся со скифского юга) с соседними народами — предками нынешних вогул, остяков, удмуртов, сезерных коми (зырян). Через последних проникло сюда и влияние предков карелов и финнов». Это общее положение, в основе совершенно правильное, автор раскрывает на страницах своего исследования и стремится подкрепить фактическим материалом. Вот здесь-то и начинаются, может быть, интересные, но не доказанные гипотезы.

Автор обращается к древним греческим источникам и начинает историю коми с легенды Аристия — греческого поэта и путешественника, жившего в VI в. до н. э. и посетившего северную страну исседонов, в которых Н. И. Шишкин усматривает предков современных коми. По предположению автора, исседоны занимали территорию в верховьях Камы, Вятки и Сысолы, и оставили следы своего пребывания в ряде топонимических названий. В последующих исторических свидетельствах и документах вплоть до X в. исседоны выступают уже под названием «ису-вису». Свое положение автор книги подкрепляет ссылками на арабских писателей и сохранившейся терминологией, как например словами — Весляна, Визинга, Искор и др. Не являясь лингвистом, я все же позволю себе высказать сомнение по поводу некоторых приводимых автором доказательств.

Автор привлекает в качестве первоисточника фольклорный материал, легенды, сохранившиеся путешественников и рассказы людей, живших в отдаленную от нас эпоху, часто передаваемые из вторых и третьих уст. Такой материал нуждается в корректировании и крайне осторожном использовании. Он не может служить надежным доказательством, в то время как другой источник — археологический, более объективный, автором не приречен. Топонимика, приводимая автором, также неубедительна. Еще большее сомнение вызывает желание автора видеть в упоминаемых Геродотом тиссагетах племя, обитавшее когда-то по реке Чусовой, основываясь только на звуковой близости наименований «Чусовая» и «тиссигет», а предками вогул считать аргипаев. Автор книги уделяет большое место скифскому элементу в культуре коми-пермяков и считает, что скифы не только влияли на местные племена Прикамья, но они непосредственно вошли в состав тех народов, из которых сложились современные коми, в частности, самая южная ветвь их — иньвенские пермяки. Основываясь на гипотезе Н. Я. Марра, автор развивает и уточняет ее: он видит в иньвенских коми-пермяках маленькое скифское племя, переселившееся с юга, о котором упоминает Геродот.

Не отрицая среди иньвенской группы коми-пермяков присутствия южных средиземноморских черт, нельзя, однако считать эту группу обособленной от прочего коми-пермяцкого населения. Трудно предположить также, чтобы маленькое скифское племя, продвинувшись далеко на север, осело именно в бассейне р. Иньвы. Во всяком случае на страницах книги для этого мы не имеем достаточных доказательств, и положение автора остается пока гипотезой, правда не лишенной интереса. Отводя большое место южным элементам в культуре и языке коми-пермяков, автор почти не останавливается в тексте на элементах северных, как угорских, так и беломоро-балтийских, а те и другие несомненно принимали участие в формировании коми-пермяцкого народа.

Во второй главе (Истоки культуры коми-пермяков) автор стремится выделить элементы местные, автохтонные, элементы скифской культуры и, наконец, черты русской культуры. Однако, заглавие второй главы не соответствует содержанию, так как автор не касается в ней происхождения и формирования таких элементов культуры, как земледелие, скотоводство, орудия труда, жилище, способы передвижения и т. д., что значительно расширило бы и обогатило работу, но ограничивается только некоторыми отраслями народного искусства. Поэтому было бы более правильным назвать эту главу «Истоки коми-пермяцкого искусства». Уделяя большое внимание коньковым изображениям на крыше дома и связывая их происхождение с древними языческими верованиями, автор почему-то не привлекает других предметов резного деревянного творчества, — резную деревянную посуду в форме «утки», деревянные украшения на бытовых предметах, другие вещи звериного стиля, встречаемые до настоящего времени в быту коми-пермяков. Значительно полнее можно было бы привлечь во второй главе и фольклорный материал и использовать, кроме эпоса о Кудым Оше и Перабогатых, еще сказания о других богатырях, сказки, песни охотничьи рассказы, которые говорят как о местных традициях, так и о культурных связях со степным югом и таежным севером. Затрагивая происхождение различных видов коми-пермяцкого народного искусства, автор работы совершенно не останавливается на таких разделах, как орнаментация тканей (узорное тканье, вышивка, набойка), различные виды плетения и вязания, а в этих-то отраслях народного искусства и вскрываются подчас весьма

древние традиции и различные культурные пласты, которые определяют истоки коми-пермяцкой культуры.

В третьей главе наиболее удачными являются последние разделы, говорящие о культурных достижениях коми-пермяцкого народа за годы советской власти. Этнографические темы: «Орудия труда и средства передвижения коми-пермяков», «Типы населенных пунктов и одежда» страдают серьезными недостатками. Материал в этих разделах изложен подчас крайне бессистемно и не только не анализируется автором, но и недостаточно хорошо описан.

Однако, несмотря на то, что книга содержит много спорных вопросов и привлеченный автором материал не всегда убедителен, работа все же является положительным вкладом в дело изучения народа коми и первым крупным исследованием по коми-пермякам, вышедшим в советское время.

В. Н. Белицер

В. Базанов, *Народная словесность Карелии*, Государственное издательство Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947, 279.

Советская наука «не отгораживается от народа, а готова служить народу» (Сталин). Помимо научных исследований, в нашей стране издается большое число книг научно-популярного характера. К их числу принадлежит рецензируемая книга В. Г. Базанова. Автор ставит своей задачей познакомить читателя с поэтическим прошлым Карелии, с фольклором Карело-Финской ССР, если не во всем его объеме, то в основных его жанрах. В книге, однако, речь идет только о русском фольклоре, бытующем в пределах Карело-Финской ССР. Таким образом заглавие книги не соответствует ее содержанию. Автор допускает и другую неточность, смешивая термины «Карелия» и «Олсняя». Известно, что Карело-Финская ССР включает в свой состав б. Олонецкую губернию и ни в коей мере не равна последней ни в географическом, ни в фольклорном отношении. Вдобавок, термин «Олония» может быть просто непонятен современному читателю. Заглавие книги не отвечает и на вопрос, о какой народной словесности Карелии — дореволюционной или современной — говорит автор? Правда, об этом можно узнать из предисловия. Автор собирается познакомить читателя с поэтическим прошлым Карелии. Но В. Г. Базанов сам выходит за рамки своих задач. Он не может показать народную словесность, не затрагивая современного материала. Современность врывается в повествование, советский фольклор властно заявляет о своем существовании. Поэтому автор говорит о советских фольклористах, об их работе, приводит примеры советских сказок, анализирует творчество Коргуева, Господарева и других мастеров. Автор правильно сделал, включив их в свой обзор. Но он остановился на этом и тем самым механически отделял традиционный фольклор от современного, не показав **качественного отличия первого от второго.**

Недостаточное внимание к современному фольклору привело автора и к неполному решению вопроса о современном состоянии былевого эпоса. Автор утверждает, что былины потеряли свое прежнее значение, что они «живут больше в поэтическом сознании отдельных сказителей, нежели в массовом устном бытовании» (стр. 38). Так поставленный вопрос о судьбах традиционных былин может привести к выводу об умирании эпоса — положению, с которым нельзя согласиться. Проблему современного бытования былин следует рассматривать параллельно с изучением зарождения новых эпических форм, в частности стихотворного сказа.

Из предисловия автора следует, что основными жанрами русского фольклора Карелии являются былины, плачи и сказки. Народная лирическая песня, как и частушка и другие жанры устной поэзии, выпала из поля зрения автора. Песня, один из основных жанров народного творчества, пронизывает собой всю жизнь русского народа; об этой песне автор не говорит ни слова. Создается ложное впечатление, будто творчество Севера только эпично, будто лирическая струя на Севере отсутствует.

Несмотря на все перечисленные недостатки, книга В. Г. Базанова представляет собой значительное явление в области научно-популярной литературы. Несомненный интерес вызывает уже первый раздел книги «Открытие Исландии русского эпоса», посвященный одному из наименее исследованных вопросов русской фольклористики и связывающий изучение фольклора в Карелии с декабризмом. Автор на широком историческом фоне показывает деятельность декабристов Ф. Глинки, С. Раевского и других собирателей, прослеживает отношение декабристов к изучению народного творчества. Живо, занимательно и вместе с тем научно автор раскрывает деятельность П. Н. Рыбникова в Карелии, показывает значение передовых идей революционных демократов (Н. А. Добролюбова) для собирательской практики и для теоретических обобщений. В науке впервые в таком широком плане показывается связь декабризма с изучением фольклора. Весь этот раздел следует отнести к числу несомненных удач книги. На примере работ П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга автор вскрывает одну из характерных черт русской фольклористики — неразрывную связь собирательской и исследовательской деятельности. Изложение еще больше выиграло бы, если бы автор показал дальнейшее развитие и углубление этой связи, так настойчиво требующей революционными демократами, в работах советских ученых, тем более, что в